

Его взгляд был свежим, и, что особенно приятно, совпадал с моим собственным. — Спасибо, сэр, — прошептал я, в голосе звучала искренняя благодарность. Учитель, серо-стальные глаза которого смягчились в улыбке, кивнул. — Не за что, мистер Довакин. Как твой наставник, я всегда буду рядом, если понадобится, но иногда тебе придется полагаться на собственные силы. Я снова поблагодарил его, собрал вещи и вышел из класса. Мотивация была ключом. Я вошел в аудиторию, желая прояснить ситуацию, а вышел, получив жизненный урок. Он подчеркнул необходимость ставить цели — одну большую, всеобъемлющую, которая будет направлять мои действия, и множество мелких, служащих вехами на пути. Так я буду чувствовать, что иду к чему-то, а не блуждаю в темноте. С этой мыслью я зашагал вверх по спиральной лестнице, твердо намереваясь работать усерднее, чем когда-либо. Седьмой этаж, комната требований, 16:30.***Я стоял перед соломенным манекеном, палочка в руке. Покрутил ее, пропуская сквозь нее магию, и ткнул вперед. — Инсендио! Струя оранжевого пламени вырвалась наружу, устремилась к манекену и с ревом поглотила его туловище. Не совсем то, что я хотел. С раздражением прервал заклинание и сел на пол. Достал блокнот и принялся писать: «Хотя намерение — основа всех заклинаний, это не просто желание, чтобы что-то произошло. Я считаю, что нужно проявить свое намерение по отношению к магии (это энергия или то, чем мы ее считаем?) — чтобы сформировать ее в то, что мы называем заклинанием». Если это так, то существующая система обучения была настолько неэффективной, насколько это вообще возможно. Насколько я мог судить, движения палочкой служили для волшебников физическим фокусом, а заклинания — ментальным, своего рода ограничителем намерения. Гораздо разумнее было бы сначала обучать намерению, а не давать студентам костыль на большую часть школьной жизни. Большинство студентов так и не поняли важности намерения. Невербальное заклинание вводится только на шестом году обучения, что было слишком поздно, так как понять всю сложность того, что намерение является фокусом заклинания, было практически невозможно. Не тогда, когда они так долго полагались на заклинания и движения палочкой, что в голове уже возникли ассоциации между заклинаниями, движениями палочкой и заклинанием, которое получается в результате этих двух действий. Если отбросить неумелость Министерства, то это действительно ускорило процесс изучения специализированных заклинаний. Однако, кроме этого, оно не делало ничего другого, кроме как тормозило их развитие. Это означало, что я был совершенно одинок в этой затее. И, к сожалению, не было никого, с кем я мог бы посоветоваться в случае затруднений. «Это не обязательно так, — рассуждала часть меня, — ты же видела, каким был Ансиль в первый день, это здравый смысл, что он использует намерение, чтобы направлять свои заклинания». Но хотел ли я так рано раскрывать себя? Я высказал свои опасения всему залу, заслужив несколько сочувственных взглядов. Пока что это был спорный вопрос, и я отогнал эту мысль. Успокоившись, я взял с пола свою палочку и вновь обратился к цели. — Инсендио! Из моей палочки вырвался небольшой сфокусированный поток огня и устремился к манекену. Пламя лизнуло фигуру, став более контролируемым, чем раньше. Они заплясали по его придаткам, образовав на туловище огненную пелену. Манекен начал дымиться, в нос ударил едкий запах горелого дерева. Я прервал заклинание, руки дрожали от усилия, но потом упали набок. Заклинания, управляемые исключительно намерением, были... мягко говоря, утомительны. Немного отдохнув, я подошел к столу и тумбе и стал записывать свои результаты: «Манипулировать энергией заклинания и не допустить, чтобы оно взорвалось у меня перед носом, — это то, что я могу считать успехом. Необходимо провести дополнительные исследования, а также тренировки, прежде чем это станет возможным. Нагрузка на меня сейчас слишком велика». Мой очевидный успех заставил задуматься еще об одном вопросе. Почему волшебники не обнаружили то, что я делаю, раньше? Ведь это не ракетостроение, в конце концов. Я сел на диван, нахмутив брови в раздумье. Сильные мира сего, несомненно, пришли к тем же выводам, что и я. Дамблдор, Гриндельвальд, Волдеморт, а теперь ещё и Ансиль — вот лишь некоторые из них. Я вздохнул. Так много нужно было изучить, и так мало времени на это. По крайней мере, Роул оставил меня в покое, а значит, у меня было гораздо

больше времени, которое я мог потратить на более важные дела. Я почувствовал раздражение при мысли о его имени. Тот факт, что он мог так легко обозначить меня как цель... раздражал меня. Это еще раз доказывало, что власть — самое важное, что нужно иметь. Богатство и поддержка отходят на второй план. Были ли у меня деньги? Нет. И в этом заключалась проблема. Я подошел к окну, которое только что материализовалось слева от меня. «Скоро стемнеет». Собрав свое снаряжение, я пожелал комнате спокойной ночи и отправился на ужин. Повернув за угол, я вышел в открытый коридор. Пламя свечи отбрасывало оранжевый отблеск на стены. Проходя мимо затененных альковов и полуоткрытых классов, я с любопытством оглядывался по сторонам, заглядывая в класс. Вдруг я остановился, вздрогнув от неожиданного зрелища. Двое старшекурсников Гриффиндора сцепились в яростном поединке, из их сцепленных губ вырывались горловые стоны и вздохи. Я развернулся и помчался по коридору, проклиная свои гормоны и от всей души желая, чтобы кто-нибудь вычеркнул этот момент из моей памяти. Добравшись до столовой, я безучастно уставился на свою тарелку с едой. Слова Кэти не доходили до меня, но я кивал, когда это было необходимо. — ...а потом она вынырнула вперед и бросила кваффл в ворота, это было потрясающе! — она взмахнула руками и повысила голос, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Заметив отсутствие у меня энтузиазма, она прекратила свою тираду. — Ты в порядке? — Я в порядке, — ответил я, не отрывая взгляда от вихрящегося узора горохового супа перед собой. — Скажи, а ты собираешься вступить в команду по квиддичу? Мой вопрос заставил ее сделать паузу. — Я бы хотела, — ответила она со сложным выражением на лице. — Но первокурсникам не разрешают вступать в команду. А, так вот почему она выглядела такой расстроенной. — Нет проблем, — сказал я, повернувшись к ней. — Просто пока потренируйся. "Как только пройдут отборочные туры, ты переплюнешь всех конкурентов", — прозвучал голос, полный уверенности. — Знаете что? Я так и сделаю! — ответила она, жадно поглощая свою еду. Я доел остатки супа и, открыв книгу "Темные силы: Руководство по самозащите", перелистнул страницу с закладкой. Седьмой этаж, комната требований, 6:52 вечера. *** Я заставил комнату погрузиться во мрак, погасив все источники света. — Люмос, — прошептал я, и на кончике палочки заплескал свет. Он был холодным, как лунный луч. Я влил в него больше магии, и свет усилился, превращаясь в ослепительный голубовато-белый луч, что бросал на стену гигантскую тень. — Посмотрим, как далеко я смогу зайти, — ухмыльнулся я, увеличивая яркость света. Комната озарилась холодным светом, заполнившим все пространство. На лбу выступили капли пота, но ухмылка не сходила с лица. Я держал свет десять секунд, усиливая его до предела, прежде чем рухнул на пол, задыхаясь. Комната ожила, по бокам стен вспыхнули свечи. Несмотря на усталость, я был доволен собой. Сравнивать себя с такими монстрами, как Волдеморт, было бессмысленно. Я всё равно останусь самим собой. Гораздо важнее превзойти себя, чем кого-то другого. Встав, я попросил комнату предоставить мне ванну и погрузился в горячую воду, наслаждаясь ее теплом. Одевшись, я приложил палочку к голове и прошептал: — Оккультизм. Мир вокруг растворился, превращаясь в небытие. Если бы кто-то увидел меня, то заметил бы лишь мерцающие очертания моего тела. К счастью, покров ночи скрывал меня от любопытных глаз. Медленно закрыв за собой дверь, я наблюдал, как она растворяется в каменной стене. — Тишина вселенной, — прошептал я. Знакомый прилив энергии заставил мои уши звенеть, а затем все стихло. На всякий случай я припечатал свою еду к земле и расслабился, наслаждаясь тишиной. Бросив последний взгляд через плечо, я скрылся в тени коридоров, избегая возбужденных парочек, спешащих к одиноким шкафам с метлами для своих поцелуев. Пока что все было спокойно. Подходя к Толстой Даме, я остановился. Мой путь к общей комнате преградил блеск зеркала, появившийся в углу моего глаза. После недолгой внутренней борьбы я развернулся и вошел в комнату, любопытство пересилило опасения. Первое, что бросилось в глаза, — это запустение комнаты. Казалось, здесь не убирали годами. Я скривил губы: неужели в школе нет ни одного домового эльфа? — Неужели, — фыркнул я, сдерживая чих. Тонкая пленка пыли покрывала все предметы в комнате, кроме зеркала. Оно сияло, как будто маня меня к себе. Приблизившись, я прочитал

слова, выгравированные на его раме: "Эрисэд стра эхру ойт убэ кафру ойт на вохси...", — пробормотал я, прочитав послание задом наперед. — Я показываю не лицо, а желание твоего сердца, да? — прошептал я, нервно сглотнув. На мгновение я задумался, не развернуться ли и не сделать вид, что не входил в комнату. Я покачал головой и стиснул челюсти. — Было бы неплохо, — подумал я. — По крайней мере, я больше не буду таким бесцельным, верно? Я неуверенно открыл глаза, уставился в зеркало и стал ждать. В ожидании этого в моем сердце зародилась нервозность. — А вдруг оно покажет мне то, чего у меня не может быть... — прошептал я, уныло глядя на свое отражение. Эта мысль пугала меня больше, чем само зеркало.

<http://tl.rulate.ru/book/98696/3348414>